

О детстве в Грузии, нумизматике, поступлении в университет и становлении своего научного мировоззрения

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1420>

5 октября 2012

Собеседник

Багатурия Георгий Александрович

Ведущий

Найденкин Михаил Сергеевич

Дата записи

Беседа записана 5 октября 2012 и опубликована 10 декабря 2012.

Введение

Георгий Александрович рассказывает о грузинской школе военного времени, о детском увлечении астрономией и первых научных размышлениях. Рассказывает о поступлении и учебе на философском факультете МГУ и эпизодах «борьбы с космополитизмом», вспоминает лекции выдающегося физика Д.Д. Иваненко, своих сокурсников, участие в фильме «Карл Маркс. Молодые годы», знакомство с Б.Ш. Окуджавой.

С 1952 года ученый работает над исследованием и изданием наследия Карла Маркса и Ф. Энгельса, с 1981 года руководит работой над международным Полным собранием сочинений основателей марксизма Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA).

Михаил Сергеевич Найденкин: Хотелось, чтобы вы рассказали о том, как поступили в МГУ, об учебе, о тех людях, которые вас окружали. Кто произвел на вас впечатление? Каким образом определилась ваша профессиональная специализация?

Георгий Александрович Багатурия: Я с самого начала своей уже не короткой жизни хотел заниматься философией. Но первое желание в детстве было работать домоуправом: мне нравилось, как ставят печати. Потом я хотел быть изобретателем. У меня сохранилась целая тетрадь, где я придумывал что-то, чертил, чем хотел бы заниматься в жизни.

М.Н.: В каком возрасте примерно?

Г.Б.: И то, и другое было, безусловно, в дошкольном возрасте, а желание быть изобретателем было в первых классах школы. Потом я более серьезно увлекся астрономией и мечтал стать астрономом. Все началось с того, что я прочитал какую-то популярную книгу по астрономии, и мне это настолько понравилось и так заинтересовало, что я попросил мою маму, у которой был очень хороший почерк... Она до моего возникновения училась в гимназии и писала очень аккуратно и хорошо, и я попросил ее записать некоторые заинтересовавшие меня факты. Например, расстояние от Земли до Солнца, или какие-то другие данные из этой области, скажем, расстояние до спутника Земли, или названия планет, или что-то в этом роде. У меня набралось немало страниц, где на основе этой книги я продиктовал маме факты, которые меня заинтересовали. Это был первый эпизод, после которого последовали другие.

Г.А. Багатурия в дошкольном возрасте

Начало войны

В детстве у меня болели гланды, и мне, в принципе, могла предстоять операция или какое-то серьезное лечение. Но врачи сказали, что если бы мы могли на время поехать подышать морским воздухом, то это прошло бы, и никаких более серьезных действий не понадобилось. И летом 41-го года мы с мамой поехали к родным в Грузию (мой папа был грузин, мама — русская). В раннем детстве, когда мне было три-четыре года меня впервые взяли с собой в Грузию, так что я там уже побывал. И вот летом 41-го года мы с

мамой поехали в Грузию, в деревню в западной части Грузии, в той части, которая называется Мегрелия. Мой отец, строго говоря, не просто грузин, а мегрел. Мы должны были пожить у родных в деревне, но не долго, а поехать на короткое время к каким-то дальним родственникам или к знакомым на побережье Черного моря где-то между Сочи и Поти. Предполагалось, что мы там не слишком продолжительное время сможем пожить, подышать морским воздухом.

22 июня 41-го года вещи уже были сложены, и на следующий день мы должны были поехать к этим дальним знакомым. Вечером приходит один из братьев моего отца, который по-русски почти не мог говорить...

М.Н.: Сколько вам было лет?

Г.Б.: Поскольку я родился в 29-м году, следовательно, мне было двенадцать лет. Значит, приходит мой дядя, папин брат, и, обращаясь к моей маме, произносит такую фразу: «Шурочка (мама была Александра, и родные звали ее Шура), Германия, большевики, война!» Я точно помню эту фразу. Дело в том, что в деревне, где мы жили, в то время не было ни газет, ни радио, ни других источников информации. И только один преподаватель сельской школы получал на русском языке газету (кстати, до революции он был священником). И получив газету, он узнал, а после этого уже кто-то из деревни... Деревня была большая, примерно на четыреста домов, это обычно для тех мест. И это стало известно кое-кому в этой отдаленной деревне.

”

Ну, а так как мой дядя правильно по-русски говорить не умел, он произнес такую фразу: «Германия, большевики, война!»

А я окончил, если не ошибаюсь, четвертый класс в двенадцать лет и был воспитан так, что эту фразу я понял в том смысле, что в Германии началась революция. И только через несколько минут после каких-то разъяснений стало понятно, что началась война. И я сразу подумал о том, что теперь не смогу учиться дальше, что мне придется работать как-то.

О поездке на море уже не могло быть и речи. Мы там остались. Осенью, когда приблизилось начало учебного года, мы думали, как быть дальше. Стало понятно, что мы застряли в Грузии, в Москву мы вернуться не сможем, но чтобы я мог продолжать учиться, наметился такой вариант. Друг детства моего папы жил в Кутаиси. Это второй по величине город в Грузии, и от нашей деревни до Кутаиси несколько десятков километров. Что-нибудь в пределах пятидесяти километров. Связались с этой семьей, и они пригласили нас с мамой к себе, поскольку в деревне, не зная грузинского языка, я учиться в школе не мог. В деревне была школа, но там преподавали на грузинском языке. Русский, может быть, изучали как иностранный или общегосударственный, но я бы учиться в деревенской школе не мог, грузинского языка я почти не знал. Знал какие-то отдельные слова, выражения, мог догадаться, о чем говорят в моем присутствии, но не мог понять, что говорят.

М.Н.: А сейчас?

Г.Б.: Сейчас, может быть, несколько лучше, поскольку в школе мне пришлось изучать грузинский язык в качестве иностранного. В Кутаиси была русская школа, и там наряду с русским языком изучали грузинский язык русские дети. Так что я со временем знал грузинский язык как человек, который один год изучал иностранный.

”

Но так как я ко всему в своей жизни, и к учебе в том числе, относился прилежно (с первого класса был отличником), я из чисто тренировочных соображений прочитал по-грузински главное произведение Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

По-русски я прочитал эту книгу еще в Москве, а в Грузии когда оказался, решил для упражнения в языке прочитать по-грузински всю книгу в оригинале. И даже сейчас я даже могу произнести первую строчку этого великого произведения. (*Читает по-грузински*). По-русски это переводилось так: «Жил в Аравии счастливой царь могучий Ростеван, повелитель правоверных, покоритель многих стран. И была у Ростевана дочь-царевна Тинатина...» и так далее. Это русский текст. А грузинский, только приблизительно понимая содержание, я прочитал от корки до корки.

Университетские годы

Началась война. Я учился в Кутаиси в русской школе. А в Москве, параллельно с занятиями в первом классе нормальной школы, я начал заниматься в первом классе фортепиано. В Кутаиси была русская школа и музыкальная школа, поэтому я в Кутаиси мог одновременно учиться в русской школе и продолжать эту учебу. Причем после московской музыкальной школы я оказался лучшим учеником у моей грузинской учительницы по музыке. Любопытно, она была русская по происхождению, но долгое время живя в Грузии, говорила по-русски с грузинским акцентом. Московская школа была, вероятно, по уровню выше кутаисской школы, и здесь я проучился... восемь лет. Да, я к 41-му году закончил четыре класса нормальной школы и соответственно четыре года занимался музыкой. И среди учеников в Кутаиси я оказался лучшим учеником у моей русской учительницы по фортепиано. В учебное время я с мамой жил в Кутаиси, а на лето мы приезжали в ту грузинскую деревню к родным моего папы.

М.Н.: А отец воевал?

Г.Б.: Нет. Он работал в Москве в магазине. Дело было так. Он приехал в Москву, по-видимому, в 17-м году и, наверное, семь, восемь, если не десять лет работал вагоновожатым, то есть управлял трамваем. Но примерно около середины 30-х годов он как обычно проходил своего рода диспансеризацию. Во время этой контрольной процедуры у него брали кровь из пальца, и как у мужчин часто бывает (хотя они способны переносить гораздо более серьезные вещи), он, когда его укололи в палец, упал в обморок. Это послужило поводом для того, чтобы запретить ему работать водителем трамвая. И тогда он вынужден был пойти работать продавцом в небольшой винный магазин в Москве, который находился напротив входа в зоопарк теперешний. Сначала он работал продавцом, а через некоторое время стал заведующим или даже директором этого маленького магазина, в котором сотрудников было три, четыре, не более того.

Значит, мы оказались в Грузии. Папа мне из Москвы прислал (каким-то образом ему удалось достать) первых выпусков печатную машинку «Ундервуд». Он переслал ее в Грузию, и я научился отдельными пальцами немного печатать. Кроме того, он прислал мне (сам не читая никаких книг) толстенную книгу «Словарь иностранных слов». Это было мое любимое чтение, я читал иностранные понятия и дальше формулировки, которые были образцами для логических дефиниций. С помощью этого словаря я научился различать латинские и древнегреческие знаки.

Увлечение музыкой и нумизматикой

Мы жили в Кутаиси у знакомых моего папы. Мне надо было заниматься музыкой, причем, заниматься каждый день, а у них в доме пианино не было. Но через несколько домов от них был дом, где было пианино, и хозяева, у которых мы жили, договорились с хозяевами дома с инструментом, и те разрешили мне приходить, если надо, хоть каждый день, и сидеть по часу, по два в день, тренироваться. Фамилия этой семьи была Окуджава. И как я теперь, задним числом, догадался, это были родственники Булата Окуджавы.

Мы тогда про Булата вообще ничего не знали. Дело было так. Мне подарили, несколько лет назад, книгу, своего рода воспоминания Булата Окуджавы, в которой он описывает... там была большая семья, многочисленная. Один из членов его семьи работал в Тбилиси в грузинском ЦК и получил квартиру, которая ему полагалась. Они вместе с женой пришли в первый раз посмотреть, как выглядит то жилье, которое им предоставили. И там стоял рояль. Кто-то из двух пришедших сказал про какого-то мальчика, не про меня: «Ну, теперь будет, где ему играть!» По-видимому, в этой семье был мальчик, который тоже учился в музыкальной школе, и по этой же причине в Кутаиси у членов этой большой семьи, в каком-то ее ответвлении, оказалось пианино. Это сейчас в Грузии в каждой интеллигентной семье может быть, даже в деревне, пианино. Но в те времена это была редкость. У меня возникло желание попробовать хотя бы задним числом узнать, не родственники ли это Булата Окуджавы, которые дали мне возможность приходить и играть.

Георгий Александрович в верхнем ряду второй справа

Между прочим, судьба потом меня свела с Булатом Окуджавой следующим образом. Задумали кинематографисты во главе с Кулиджановым, который возглавлял тогда комитет кинематографический, сделать фильм о Карле Марксе. Кулиджанов и два его друга, один из которых Борис Тихонович Добродеев — отец нынешнего руководителя телевидения, с которым, между прочим, Владимир Владимирович Путин, когда он стал премьером или даже президентом (я точно сейчас сказать не могу), в ранние еще времена встречался и просил его возглавить Первый канал, под эгидой которого вся сеть телевизионная в стране находится. А он в это время был на другом популярном канале. Так что Олег Добродеев оказался на моем пути. И я хотел попробовать как-нибудь списаться с потомками друга детства моего отца и задним числом поблагодарить ту семью, которая приютила меня тогда.

Там был такой трогательный эпизод. Я с первого класса собирал монеты. Один мальчик, с которым мы сидели за одной партой, подарил мне две турецкие монеты. Это было в первом классе. И с этого момента всю жизнь я собирал монеты. У меня несколько тысяч монет, в том числе полнейшая коллекция советских монет. Это возникло так. Я сказал, что мой папа работал в маленьком винном магазине, и, может быть, раза два мы с мамой приезжали просто навестить его. И он дал мне посмотреть... были такие пивные кружки большие, полные мелочи, которую давали как сдачу. Это были фактически первые советские монеты 21-го года, 22-го, которых уже в обращении не было. И я, перебирая эти монеты (а я уже собирал монеты), выбирал, чтобы были разных годов, разного достоинства, разного вида, и у меня таких собралось столько, сколько мало у кого сейчас может быть. Но дело не в этом.

Однажды я пришел, как всегда, в этот дом Окуджавы играть. И вдруг мне пришло в голову (у меня никогда таких вещей не бывало в жизни), я подумал... Знаете, раньше у пианино были подсвечники там, где сейчас могут быть лампочки, и в них вставлялись свечи. И вот там, где я играл, тоже были подсвечники здесь и здесь — пустые подсвечники.

И вдруг мне пришла в голову такая фантазия, ничем не мотивированная: если я сейчас встану и загляну в левый подсвечник, там, на дне, будет лежать монета.

Я встаю, заглядываю туда, и там на дне лежит сравнительно редкая монета, 25 копеек, серебряная. Это редкая царская монета, потому что, в основном, были пятикопеечные, десятикопеечные, двадцатикопеечные, полтинники были, рубли были, но 25 копеек очень редко. Я увидел эту монету, достал ее и во время перерыва в своих упражнениях пошел к хозяйке дома и сказал, что собираю монеты и увидел у вас эту. Можно ли мне ее взять? Она сказала: «Конечно, возьми!» И до сих пор у меня хранится эта уникальная монета.

М.Н.: С чем вы, как марксист, связываете свою интуицию?

Г.Б.: Интуиция... Многие вещи, если проанализировать, возникали интуитивным путем. Ладно, сейчас расскажу всякую всячину.

В Китае. 2000-е

Фильм о Марксе. Знакомство с Окуджавой

А потом судьба меня свела с Булатом Окуджавой следующим образом. Кулиджанов решил снять фильм о Марксе. Он обратился к своим ближайшим друзьям, среди которых оказался один, который знал меня. Он указал на меня, что он может быть вашим консультантом. Они не поверили, стали собирать мои тексты, читать их, и в один прекрасный день раздается звонок, и меня приглашают Кулиджанов и двое его ближайших друзей: Борис Тихонович Добродеев и Анатолий Гребнев (они втроем делали этот фильм) встретиться с ними. Они хотят со мной поговорить. Так я стал научным консультантом этого фильма.

М.Н.: Какие это годы?

Г.Б.: Это, я думаю, 70-е годы. К сожалению, недавно в Институте философии под эгидой главного редактора экономической философской газеты Алексея Петровича Проскурина проходили Марксовы чтения, в которых я регулярно принимаю активное участие. Там ко мне подошла женщина и говорит, что на Савеловском рынке достала фильм о молодом Марксе, научным консультантом которого числится Багатурия. После этого я, конечно, отправился на этот рынок, обошел его и не нашел фильм. Теперь у меня проблема искать.

А с Добродеевым была такая история. Когда рухнул реальный социализм, сначала в ГДР, а потом в нашей стране, возникла проблема существования нашего бывшего института. Это в последний период советского времени был Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а я работал в секторе Маркса и Энгельса. И в последнее время был руководителем сектора «*MEGA*» отдела «Маркса и Энгельса» этого института, и в моем секторе было сорок два научных сотрудника. Мы делали международное издание «*Marx-Engels-Gesamtausgabe*» (*MEGA*). И вот когда решалась судьба нашего института, коллеги из Нидерландов и Франции вместе со мной предпринимали усилия по спасению этого проекта. Тогда я попросил Олега Добродеева организовать по телевидению какое-то сообщение об этом. И он помог нам это, действительно, сделать. Такой был эпизод.

Мы работали над фильмом о молодом Марксе (потом этот фильм получил Государственную премию), это было совместное производство Мосфильма и DEFA в ГДР. Я вообще о работе с Кулиджановым, Добродеевым и Гребневым вспоминаю, как о счастливейшем эпизоде в своей жизни. И в один прекрасный момент мы должны были поехать в Берлин, на киностудию DEFA, познакомиться с тем,

что там делается. И на вокзале в Москве перед посадкой в поезд Кулиджанов встречается с Окуджавой (они ближайшие друзья и живут в соседних домах). А Окуджава через Берлин едет на гастроли в Англию со своей женой. И несколько часов в одном купе мы едем вместе, и я помню...

” Окуджава был в поликлинике, ему дали там детскую бутылочку с делениями, она была со спиртом. Он просто взял эту бутылочку с собой в дорогу. Мы ехали всю ночь вместе, и эту бутылочку я сохранил до сих пор.

Утром мы прогуливались в Бресте по платформе в ожидании, пока поменяют колеса у поезда, и Булат рассказывал такой анекдот. Выступает Брежнев. Читает: «Дорогие товарищи-империалисты!» Нет, что-то не то! Читает снова: «Дорогие товарищи-империалисты всех стран!» Наконец до него доходит: «Дорогие товарищи! Империалисты всех стран...» и так далее. (Смеется.) Был другой анекдот, когда Брежнев встречается с Индирой Ганди, а потом с Маргарет Тэтчер. «Дорогая Индира Ганди!» Шепчут: «Маргарет Тэтчер!» Он достает бумажку: на самом деле написано Индира Ганди! Ему подсунули какую-то старую заготовку! Вот так же он читал про «товарищи-империалисты всех стран».

Так мы встретились с Булатом Окуджавой, всю ночь проболтали. Обо всем на свете. Он со своей женой ехал через Германию и Францию, потом в Англию на гастроли. Поэтому мне сейчас интересно было бы узнать, я предполагаю, что это какое-то ответвление семьи Булата Окуджавы, где я занимался музыкой, где мне подарили уникальную монету моей коллекции.

Фото из семейного альбома

Увлечение астрономией и философией

Там я занимался в городской публичной библиотеке. Перечитал все, что можно было об астрономии.

На юге, представляете, какое небо по ночам! Я по ночам вставал, находил созвездия, определял, где что. Одним словом, я действительно перечитал не один десяток книг, включая такого известного автора как Фламарион, который еще в дореволюционные времена писал хорошо известные книги по астрономии. Я хотел быть астрономом.

Ну все, теперь возвращаюсь к нашим местам. Я хотел быть астрономом, потом заинтересовался какими-то теоретическими вещами, и даже не зная, что это такое на самом деле, додумался до интересных вещей. Достаточно сказать, что целый том переписки Маркса и Энгельса я прочитал еще в последних классах школы. Это для ребят необычно. Но было нечто гораздо более важное. Например, мы с тем дядей, братом моего отца, который принес весть о начале войны, ходили купаться. В одном-двух километрах от деревни горная река, галька, и мы ходили туда регулярно купаться. И был такой эпизод. Он выходил раньше, а я вслед за ним. И вот мне пришло в голову: он идет с определенной скоростью, и я иду с определенной скоростью, мы вышли в разное время; когда я буду в этой точке, он будет уже здесь, а когда я буду в другой точке, он будет там-то. Я задумался над тем, каковы соотношения между всеми этими величинами: время в пути, скорость движения, количество «нагоняний», как я их называл. И только потом, когда мы стали изучать логарифмы, я понял, что одна из этих величин — это понятие логарифма, о котором я не имел никакого представления.

В Китае. 2000-е

Это один эпизод, был другой. Я размышлял над проблемой, в математике она называется экстраполяцией. Если есть какой-то ряд, можно ли его продолжить дальше или, наоборот, восстановить предшествующий ему ряд.

”

Наступала эпоха, когда я интересовался логическими проблемами. У меня был интерес к естественным наукам. Естественный интерес. Значит, я додумался до понятия «логарифм», еще не зная, что такое логарифм.

Это первое.

И еще такой эпизод. Мне пришло в голову: что есть такие математические действия как сложение, умножение, возведение в степень. Между ними какие-то закономерные переходы. А нельзя ли этот ряд продолжить в одну сторону и в другую сторону? И я придумал способ, как уловить эту закономерность, и придумал даже два новых арифметических действия: одно предшествует сложению, а другое следует за возведением в степень. Мой друг, сын известного экономиста Выгодского, Виталий

Выгодский, с которым мы ряд лет работали в одном секторе, а иногда даже в одном кабинете, в свое время поступил на физический факультет МГУ, когда все мечтали о физике. Учиться на таком факультете в таком университете — это была мечта. Но у него оказались руки-крюки, и когда дело дошло до экспериментальных упражнений, они у него не получались. И он, к ужасу своих родителей, ушел с физфака и поступил в Плехановский экономический институт.

Мы потом вместе с ним работали над Марксом, и когда я рассказал ему о том, как додумался до новых арифметических действий, он сказал: «Знаешь, у меня есть телефон преподавателя, который читал нам дифференциальные и интегральные исчисления, давай позвоним ему и спросим, есть в этом какой-то смысл или нет». А у меня в тетрадке все аккуратно описано, как надо делать. Я говорю, давай попробуем! Он мне дает телефон, я беру трубку, набираю, здороваюсь и рассказываю обо всем этом. Каков был ответ? «А почему бы нет?» Уже потом я понял, почему такого действия нет. Выяснил, что я додумался до такого мощного по результатам действия, более высокого, чем возведение в степень, что если над двумя самыми простыми числами произвести такую операцию, то получится гигантское число, известного количества элементарных частиц во всей доступной нам вселенной не хватит для того, чтобы такое число было. И количества квантов времени за миллиарды лет существования нашей вселенной тоже бы не хватило.

И тогда я вспомнил... я уже рассказывал о том, что в первые годы учебы на философском факультете нам необыкновенно повезло. Лекции по современной теоретической физике читал нам гениальный Дмитрий Дмитриевич Иваненко, тот самый, который доказал, что ядро атома состоит не из одних положительных частиц — протонов, но там должны быть и нейтральные частицы — нейтроны. Одновременно и независимо от него к такому выводу пришел японский физик-теоретик Юкава. Юкава получил Нобелевскую премию, а второй раз за одно и тоже не дают премию, хотя Иваненко раньше опубликовал свое открытие. Когда он читал нам свои фантастические лекции, ничего лучшего, более блистательного я в своей жизни не слышал и не читал. Это была фантастика.

У меня были явные наклонности к физике и к математике, а в то время, когда я кончал школу, уже один год существовал физтех. Я оканчиваю школу, все одиннадцать экзаменов на пятерки, по всем предпосылкам я должен получить золотую медаль, и если бы я получил золотую медаль, безусловно, пошел бы в физтех. Но в день выпускного вечера узнаю, что не только не получаю золотой медали, но даже серебряную не получаю. Потому что в наше время, чтобы получить серебряную медаль, нужно было обязательно иметь пятерку по сочинению.

” А я в сочинении по русской литературе написал такую фразу, что Пушкин воспитывался под влиянием французских просветителей. Я понятия не имел о том, что за неделю или две до этого началась борьба против космополитизма в стране. И поэтому в РОНО мне пятерку переделали на четверку.

Такое влияние космополитизма, о чем я понятия не имел. И когда в день выпускного вечера я узнаю, что ни золотой, ни серебряной не будет, тогда сработало грузинское упрямство! Ах, так! Я всем направо и налево говорил о том, что хочу заниматься философией. А почему я захотел заниматься философией?! Когда я кончал музыкальную школу, в последних классах мне часто приходилось ездить на занятия к своей учительнице, когда она была больна. Я ехал на трамвае час, а, может, полтора по всей Москве...

М.Н.: Откуда и куда?

Г.Б.: Мы жили в районе Курского вокзала, а она — на одной из Мещанских улиц. И вот в трамвае я размышлял на всякие теоретические темы, даже не зная, что это такое. Или читал, в том числе Достоевского, еще дореволюционное издание «Братья Карамазовы» у моей мамы было, и размышлял о всякого рода теоретических проблемах. Додумался до этих логарифмов, до нового математического действия и так далее. Но на древнегреческом уровне по восприятию всего этого. И я направо и налево

говорил, что меня интересует философия. Более того, отец моей мамы, видимо, проявлял интерес, и даже более чем интерес, к анархизму, и от него сохранилась и была книга у моей мамы, книга Бебеля «Женщина и социализм». Эту книгу я тоже прочитал еще в старших классах школы. Ну, и раз я говорил, что хочу заниматься философией, а выяснилось, что теперь вынужден сдавать экзамены, я пошел на философский факультет. Никаких репетиторов в то время не существовало, по крайней мере в нашей среде, тем более, почти все годы учебы у меня были пятерки, я был отличником с первого класса, как правило. Были потом исключения, но даже в последнем классе я сдал все выпускные экзамены на одни пятерки.

Философский факультет

Я пришел на философский факультет, подал заявление. Вступительные экзамены, пять экзаменов. Все пять я сдаю на пятерки. После этого меня зачисляют на философский факультет. За пять лет учебы на философском факультете в моей зачетке не было ни одной четверки, только одни пятерки. Но в конце учебы, по окончании факультета, меня снова краем задела история по тому же самому поводу.

В нашей группе были такие известные сегодня люди как Борис Грушин, который, работая в «Комсомолке», создал первый в стране Институт общественного мнения, или Юрий Левада (мы в одной группе учились), который потом как раз занимался проблемами общественного мнения.

Казалось бы, за пять лет, повторяю, ни одной четверки, в общей сложности было не то шестьдесят, не то восемьдесят экзаменов и зачетов. У меня сейчас возникла идея обратиться в архив МГУ, может быть, там существуют архивные дела на тех, кто здесь учился или преподавал, тем более. Потому что мне интересно было бы посмотреть отзыв, который Саша Зиновьев, Александр Зиновьев, гениальный Зиновьев написал на мою дипломную работу об абстракции в «Капитале» Маркса. Он был моим оппонентом на защите диплома, и доброжелательным оппонентом. Мы были на одной и той же кафедре логики, и я тогда говорил, что если в нашей среде, в среде, где занимаются логикой, может существовать теперь гениальный человек, то таким гением является Саша Зиновьев.

Я учился, никакой политической карьеры в университете у меня не было. Самая высокая ступень, куда я поднялся, — комсорг молотильной бригады. Во время работы летом в Зарайском районе мы с Борисом Грушиным спали в одном спальном мешке. Он был комсоргом нашей бригады, и все годы учебы он был постоянным комсоргом нашей группы. А там он был командиром нашего отряда, а я — комсоргом. Это самая высокая должность, потому что тот, кто вступал в партию в университете, это, как правило, были карьеристы. Потому что мы поступали (кажется 47-й год), тогда философский факультет включал в себя то, что потом выделилось в факультет психологии. Было сто пятьдесят человек на нашем курсе, из них пятьдесят членов партии, это фронтовики, которые только что вернулись после фронта. Сто комсомольцев и пять беспартийных, среди которых моя будущая жена.

Когда наша группа, душой которой был Грушин, решила собраться (у нас было две проходных комнаты, по тем временам это были хорошие условия), и в первый раз группа собралась у меня. И я пошел после этого провожать впервые в своей жизни свою будущую жену.

”

Достаточно сказать, что сосед нам подарил билеты на елку в Колонный зал, и наше следующее общение было на новогодней детской елке в Колонном зале. С тех пор мы тридцать три года были неразлучны с ней.

За рабочим столом

Распределение. Аспирантура

Когда дело дошло до распределения (тогда ведь было распределение), нас пригласили на комиссию по распределению. А мы как раз поженились за несколько недель до этой комиссии и скромно просили, чтобы нас посылали не слишком далеко друг от друга. Это было исключение, потому что поголовно всех распределяли, причем, в любую точку страны. Но они поступили в этой ситуации благородно. Дали ей свободное распределение, поскольку она уже была замужем, а меня рекомендовали не в свою аспирантуру, а в соседнюю, в МГПИ, где одновременно со мной сдавала племянница наркома по литературным делам.

Когда дело дошло до распределения, и комиссия решала, кого куда, еще до официального распределения, мой научный руководитель (его портрет висит в этом здании среди преподавателей философского факультета), он был председателем партбюро факультета, литовец по происхождению. Когда была упомянута моя кандидатура, кто-то припомнил мне и Борису Грушину, что еще на первом курсе мы с ним задумали... Мы учимся на философском факультете, хорошо было бы иметь еще два: естественнонаучное и гуманитарное. Естественнонаучное, мехмат или физфак, а гуманитарное я выбрал и пошел на отделение искусствоведения, которое было тогда не на истфаке, как сейчас, а на филологическом факультете. Целый год я параллельно с философским занимался в отделении искусствоведения, и там у меня тоже была пятерка. И вот когда дело дошло до распределения, в комиссии кто-то припомнил, что мы с Борисом Грушиным задумали организовать в нашей комсомольской группе изучение всемирной истории искусства, начиная с первобытного общества. Что в стенгазете факультета тогда нашло отражение этого кощунственного замысла.

Нам инкриминировали то, что мы решили изучать всемирную историю искусства, начиная с первобытного общества, а не с русского искусства. В этом тоже усмотрели что-то из области космополитизма. И по этой причине меня партбюро, во главе которого был мой собственный научный руководитель (он человек скромный, он не стал меня защищать), решили рекомендовать меня не в свою аспирантуру, а в чужую. Как потом стало ясно, это была завуалированная форма свободного распределения. Мы этого тогда не понимали. Я сдал все пять экзаменов на пятерки, и меня зачислили. Я был комсомольцем и хотел на кафедру диамата, но туда брали только членов партии. И меня,

как комсомольца, взяли на логику. Это как в детской книге: «делайте со мной, что угодно, только не бросайте меня в терновый куст!» Так вот меня бросили в этот терновый куст, и я был счастлив, потому что сам занимался логическими проблемами, не зная, что это логика!